

ВЛАСТЬ НАД СЛОВОМ

г. Москва. 5 апр. 1975

(НОВАЯ РАБОТА ИГОРЯ ИЛЬИНСКОГО)

Веселые и необыкновенно живые стихи Самуила Маршака в нашей стране знакомы каждому. И людям старшего поколения, и самым маленьким. А в числе тех, кто лично знал поэта и встречался с ним, был Игорь Ильинский.

— В мою жизнь произведения Маршака вошли, когда мне было уже основательно за тридцать, — рассказывает Игорь Владимирович. — Я заинтересовался ими как чтец, решил включить в свой эстрадный репертуар.

В ту пору артист был увлечен исполнением басен Крылова. Читая их, он стремился изображать, показывать животных. Зрителям нравилось именно искусное звукоподражание, мимика, жесты, позы. Они смеялись над неадекватной хаврошкой, нахальной москвой, самодовольным львом. Так же подошел Ильинский и к произведениям Маршака, которые показались ему очень веселыми и зримыми. Однако вскоре исполнитель почувствовал, что публика принимает их не так, как хотелось бы, реагируя не там, где следовало бы.

— Умные и тонкие стихи Маршака были для слушателей непривычны, — говорит Игорь Владимирович. — Постепенно я понял, что актерское «украшательство» заслоняет от публики поэтическое содержание.

Полезный урок в этом смысле преподал Ильинскому сам Маршак, хотя чтение им своих произведений было довольно неважным с обывательской точки зрения.

— Голос свой Маршак прокурил, — говорит Игорь Владимирович, — хотя поэтический голос его был ярок и неповторим. Чтению Маршака я никогда не подражал. Вообще, считаю, что копировать, механически воспроизводить авторскую манеру никогда не следует. В то же время в чтении Маршака были качества, на которые следовало обратить внимание. Тусклым и глуховатым голосом поэт удивительно точно доносил суть своих произведений, их внутренний темперамент, озорной юмор. Каждое его стихотворение — это сгусток энергии, которая невольно передавалась каждому, кто слушал Самуила Яковлевича.

Маршак высоко ценил искусство Ильинского и часто бывал на его концертах. После таких посещений он всегда звонил, делился впечатлениями.

— Нередко и критиковал, но неизменно доброжелательно, — рассказывает Игорь Владимирович. — Случалось, звонит в час ночи и говорит, что там-то и там-то переставлено слово, а в этой строке сделан не тот акцент. И я старался устранить недостатки, потому что всегда внимательно и бережно отношусь к мнению автора. Мне хочется послужить главному в его творчестве.

Своей любовью к поэзии, умением постигать ее тайны Маршак заражал и Ильинского. Самуил Яковлевич как бы исподволь помогал артисту подчинять себе слово, быть его властелином.

— Сколько мыслей о литературе и искусстве почерпнул я у Самуила Яковлевича, — вспоминает Игорь Вла-

димирович. — Его мудрые советы, иной раз парадоксальные, но всегда поучительные, его неожиданные наблюдения буквально открывали мне глаза. Навсегда запомнилось его замечание о красоте далекого костра и о звучании далекой песни.

«Почему так получается, — спрашивал Самуил Яковлевич, — что далекая песня западает в сердце по-особенному, больше, чем та, которую поют вблизи и громко?». А однажды он остроумно заметил, что изобретение пера, чернил и пишущей машинки — несчастье литературы. Когда слова высекались на камне — они стояли дороже.

— Самуил Яковлевич нередко сетовал на то, что художники смежных искусств почти не общаются друг с другом, — говорит Игорь Владимирович. — Такие встречи, утверждал он, были бы для них исключительно полезны. И мы с вами будем когда-нибудь жалеть, что в будничной суете редко виделись... Он ставил нас рядом, но я прекрасно понимал, что жалеть буду я, и жалеть не только потому, что он ушел раньше, а потому, что наши встречи были для меня бесконечно плодотворны.

Воспоминаниями о своем друге Игорь Владимирович делится теперь в фильме, который снимается для Центрального телевидения. Все события картины разворачиваются в рабочем кабинете поэта, в его квартире на улице Чкалова, но благодаря мастерству режиссеров-постановщиков А. Саакова и И. Ильинского и оператора А. Тафеля это не делает ленту однообразной.

Все стены кабинета заставлены стеллажами. На полках перед книгами дорогие хозяйки фотографии и репродукции. Портрет А. Блока, подаренный Самуилу Яковлевичу человеком, который сам делал этот снимок. Фотография В. Стасова, открывшего незаурядного «Маршачка» — «нового человечка, светящегося червячка», и Л. Толстого, который благословил юношу в самом начале его пути. Копия посмертной маски Пушкина, перед гением которого Маршак преклонялся. Свидетельство привязанности Самуила Яковлевича к шотландской поэзии — фигурка шотландского стрелка в огромной меховой шапке и лубок XIX века, воспроизводящий сцены из стихов Бернса.

— В переводах Маршак достиг высокого совершенства, потому что любил авторов, — говорит Игорь Владимирович. — Он в полном смысле слова открыл нам заново стихи Бернса, сонеты Шекспира. Недаром Фадеев в свое время сказал, что переводы Маршака — это факт русской поэзии.

...На небольшом диванчике лежат открытые тома. Возле окна — письменный стол с лампой на высокой ножке и старинным чернильным прибором. Тут же бронзовая пепельница, с которой Самуил Яковлевич не расставался до последних дней. Твердое кресло с округлой спинкой и подлокотниками слегка отодвинуто, будто хозяин только что вышел из-за стола...

И. ОКУНЕВ.